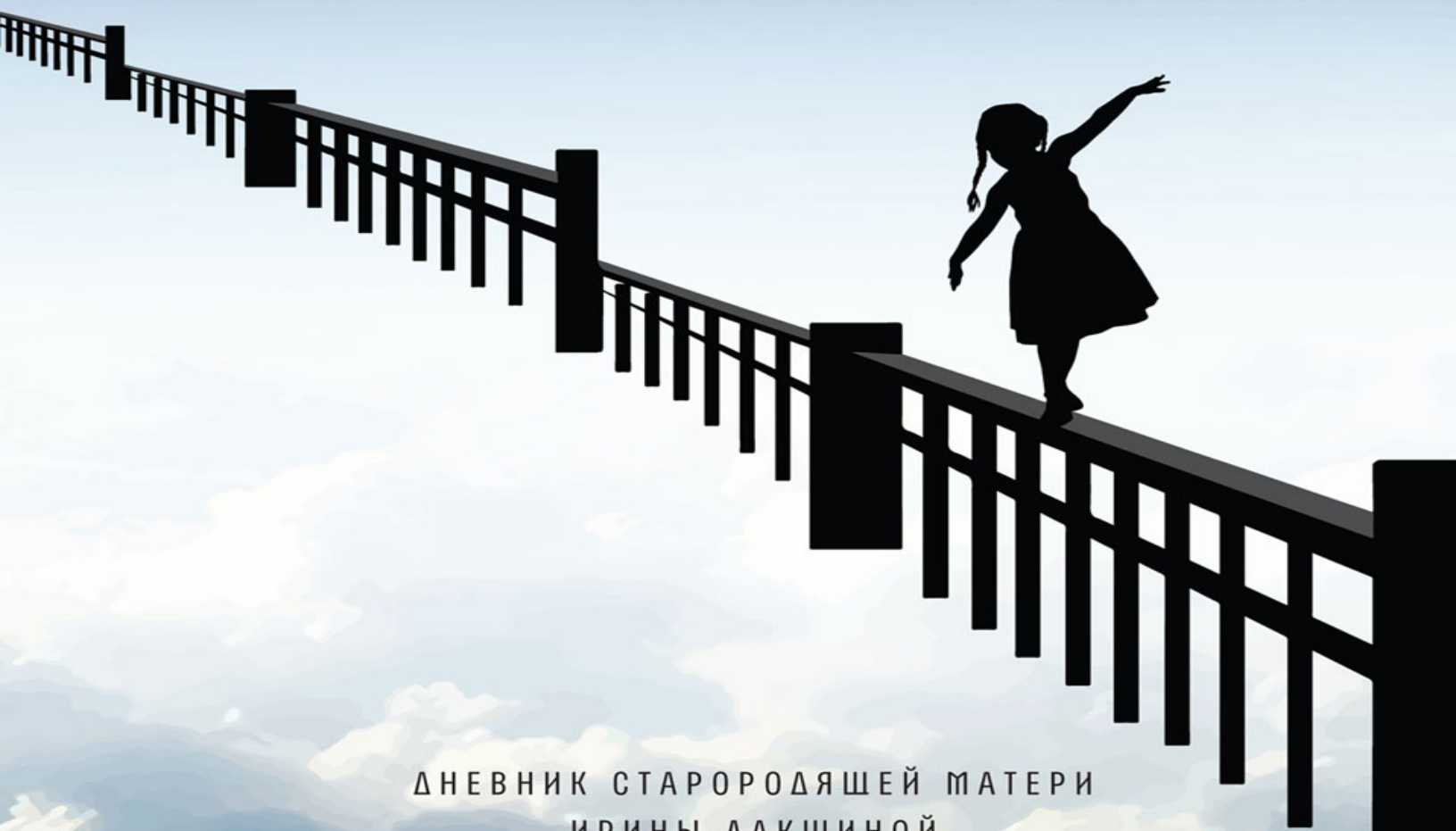

Елена
Катишонок

ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

ДНЕВНИК СТАРОРОДЯЩЕЙ МАТЕРИ
ИРИНЫ ЛАКШИНОЙ

Елена
Катишонок

ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

ДНЕВНИК СТАРОРОДЯЩЕЙ МАТЕРИ
ИРИНЫ ЛАКШИНОЙ

Информация от издательства

16+

Художественное электронное издание

Художник — Валерий Калныньш

Катишонок, Е. А.

Детский альбом. Дневник старородящей матери Ирины Лакшиной: Роман / Елена Катишонок. — М. : Время, 2021. — (Самое время!).

ISBN 978-5-9691-2155-3

Дневник — особый жанр: это человеческий документ и вместе с тем интимный, личный текст. Многие легко узнают приметы времени и места — «застой» восьмидесятых годов, СССР. Как купить подарки родным в эпоху тотального дефицита, воспитывать двух маленьких детей (без айпада и компьютерных игр), ухитряться работать, и что приготовить на обед, если в холодильнике пусто, а в кошельке четыре рубля с мелочью. Как справиться с ежедневной рутинной, когда на работе аврал, бабушка заболела, у детей насморк, а у кошки глисты? Помогают только юмор, ирония и... Дед Мороз, ведь ему можно отправить письмо Волшебной Почтой прямо через холодильник. Нет никакой науки педагогики, уверяет автор дневника, — есть только набор маленьких хитростей. И честность, чтобы говорить с детьми на самые трудные темы. «Детский альбом» — это кукла и солдатики, Баба Яга и стихи, рисунки и Бармалей, мама и папа. Жизнь и смерть.

...А знаете ли вы, что в Персии растут персики, манекен — это памятник женщине, а снег скрипит, потому что снежинки ломаются?

© Елена Катишонок, 2021

© «Время», 2021

Посвящается Саше и Марусе

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом был бел и худощав.

А. С. Пушкин. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»

Чего только не встретишь на дворовой распродаже (yard sale) в Америке, будь это гигантский город или скромный поселок, не так давно получивший звание города и собственную мэрию! На всем пространстве двора расставлена, разложена и развешана всякая всячина. На траве стоит разрозненная мебель — не чиппендейл, но крепкая, — на комод и кресле уже наклеены листки «Продано». Тут же рядом — вешалки с одеждой, под ними туфли, кроссовки; некоторые в гостеприимно распахнутых коробках. Стоят или лежат лампы — без абажуров они выглядят обезглавленными. На столах расставлена хозяйственная утварь и посуда, в ящиках — одеяла, постельное белье, по какой-то причине разлюбленное хозяевами. Можно наткнуться на раритет: телефон с дисковым набором — он кажется сегодня невероятно громоздким. Ближе к гаражу сложен спортивный инвентарь: клюшки для гольфа, теннисная ракетка, коньки.

Картонные коробки с книгами, дисками, кассетами выставлены к забору. Цены на все это символические: кассеты умерли, диски на пути туда же. Отдельно собраны старые виниловые пластинки в квадратных конвертах — они сейчас популярны.

Книги — настоящие, напечатанные на бумаге, в суперобложках или без — бурного интереса не вызывают, однако то один то другой покупатель нет-нет да и задержится, начнет рассматривать корешки, перелистывать страницы.

Такие распродажи проводят обычно в выходные. Проезжающие машины тормозят, останавливаются, и люди подходят, рассматривают, трогают, прицениваются; кто-то переходит в разряд покупателей. Вот женщина несет пышный ворох занавесок, еще одна присаживается мерить сапоги, мужчины нагибаются, чтобы получше рассмотреть запасные покрышки — вещь безусловно нужную.

Я прочно застреваю у забора — сижу на корточках, перебирая книги. Большинство, конечно, на английском, но встречаются и другие языки — китайский, испанский, французский. Однажды я наткнулась на потертый, многожды читанный томик Бунина на русском языке, сборник стихов Д. Самойлова в мягкой обложке и миниатюрный путеводитель по Москве с золотым тиснением, похожий на маленькую иконку. В эту же коробку попали канцелярские принадлежности: чистые конверты, дырокол, скрепки, пересохшие фломастеры и почти чистые тетради, с редкими записями на первых страницах — вырви и пиши что хочешь, но кто сейчас пишет от руки? Разве что записку на холодильник — напоминание себе же «Купить молоко!». В банке собраны в пучок мертвые шариковые ручки, пыльные карандаши с обгрызенными резинками. На дне коробки нахожу блокнот и тетрадки разного формата, они как раз исписаны, причем порусски, четким, ровным почерком. Я присаживаюсь на ближайший стул и листаю. Это дневник, написанный женщиной из прошлого — совсем еще близкого — века. Прочитываю первую страницу, следующую... Коробки с книгами громоздятся рядом одна на другой, но мне

не терпится приехать домой и сосредоточиться на находке. Пытаюсь найти другие записи, но не нахожу.

Хозяева радушны, но ничем помочь не могут. Тетради? Да, в коробке у забора. Вот эти? Вы там их нашли? Окей. Манускрипт на русском языке, really? Wow! Нет, они не помнят. Или... возможно, забыла та пожилая леди, которая снимала подвал? Она давно переехала. Куда, в Нью-Йорк? Или нет; в Коннектикут, кажется. Года три назад. Или раньше? Телефон она не оставила, нет. Адреса тоже. Мы, кстати, тоже готовимся к переезду, столько лишних вещей...

Я купила все три русские книжки. Тетради мне отдали бесплатно. За пятьдесят центов я прихватила первую попавшуюся наволочку, в которую и засунула трофей.

К сожалению, я не знакома с автором дневника, но издательство заинтересовалось моей экзотической находкой, и вот уже второй год поисковые системы обрабатывают запрос, однако пока не могут найти Ирину Лакшину — ту самую «пожилую леди», которая некогда снимала жилье в маленьком американском городке. Хочется думать, что автор в добром здравии, где бы он ни обретался, в Нью-Йорке или Коннектикуте.

Мне, в свою очередь, поручено было подготовить к печати текст, присовокупив «несколько слов об авторе». Поскольку ни биографией, ни описанием внешности и характера, повторяю, я не располагаю, то остается надеяться, что лучше всего расскажет об авторе сам текст: дневниковые записи говорят о человеке намного больше, чем анкета. Цветные вклейки, упоминаемые автором, сохранились только частично: одни обесцветились от времени, другие отсутствуют.

Возможно, сама Ирина Лакшина или ее дочери увидят этот дневник на прилавке книжного магазина

и позвонят в издательство. В этом случае они смогут убедиться, что редакторские правки сделаны в самом щадящем режиме, и я с радостью верну тетради.

Елена Катишонок

СПАСИБО

Моему другу Вадиму Тёмкину за тщательную и кропотливую работу — подготовку к печати детских рисунков.

ЧАСТЬ 1

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

[общая тетрадь советского образца, твердая затертая
обложка в пятнах и разводах, часть страниц
отсутствует. — *Е. К.*]

11 июля 1979

Начинаю тетрадь в самом неожиданном месте — в роддоме. Врач в поликлинике засуетилась, хотя впереди еще три недели. Вчера вечером собрала «пакет первой помощи»: губка, мыло, зубная щетка... Хватилась, а «Поморин» почти кончился: тюбик на исходе. Главное — чтиво: сунула три книжки, а журналы Леха [муж автора, как следует из дальнейшего текста. — *Е. К.*] обещал передавать по мере поступления. Врет, но все равно приятно. Зато пасту привезет.

Выспаться не удалось. Дома все бегали, как кошки на пожаре: зачем, почему, что врач сказала? Да мне повторять неловко, что эта кретинка сказала — назвала меня «старородящей» [термином «старородящая» в советском акушерстве обозначали женщину, впервые готовящуюся стать матерью в возрасте после 25 лет. — *Е. К.*], это в моем-то цветущем возрасте! Жуткое словцо, в тетрадке выглядит еще страшней. Пожала плечами, придумала свою версию: ребенок, мол, крупный, поэтому я попала в группу риска. Что меня определили в эту группу по статье «старородящая», никому не скажу, пристрелите меня.

Перед тем как отправить в палату, сумку прошмонали будь здоров. Все белье, даже ночные рубашки, Лехе пришлось забрать домой. Книжки и тетрадку разрешили, буду конспектировать Спока [популярная в СССР книга «Ребенок и уход за ним», автор Бенджамен Спок. — *Е. К.*]. Выдали казенную рубашку размера на Добрыню... как его там, Никитича. Рубище сползает с плеч и путается в ногах. А халат?! «Не положено». Правда, июль и мужиков не видно. Все ходят, как привидения: беременные в белых рубашках, персонал в белых халатах. А если рожать в декабре?!

Палата четырехместная. Все выглядят ну очень старородящими, одной тетке лет пятьдесят. Оказалось — тридцать восемь, у нее двое детей дома, третий в пузе.

Сказочно повезло: кровать у окна! Тумбочка корявая, но на «ампир» я и не надеялась.

12 июля

Врач: тощая драная кошка, крашеная от корней волос до кончиков ногтей, глаза злые. Вблизи шестьдесят, издали сойдет за сорок с хвостиком. Девочки говорят о ней с опаской: не дай бог рожать в ее дежурство.

Придется отложить...

Главное — не прислушиваться к рассказам соседок: такие страсти, что хоть в чистом поле рожай, как некрасовские крестьянки. Хорошо, что я в любую минуту могу раскрыть своего Геродота и не слышать, как «он уже синий был...» О родах, к счастью, Геродот ничего не пишет. Или все впереди? Спок — подходящая компания для Геродота.

Звонила Лешке, чтобы принес вязанье. Геродот усыпляет, его лучше перед сном, а днем хочется что-то делать.

13 июля

Пятница, к тому же 13-е. К беде...

Думала о зловещей пятнице до обеда. Кормят вполне прилично. Чувство надвигающейся беды притупилось. Надо вовремя останавливаться, потому что набрала за эти месяцы килограммов шесть, только что взвешивалась. Или это мой сыночек? Если так, то не разрожусь.

Приходила акушерка. Симпатичная тетка за пятьдесят, и говорит очень уютно, с твердой «Ч»; одну цитату я воровато записала (не за мудрость, а вот за эти «Ч»): «ДевочЧки, увелиЧЫваюШШаяся маточЧка

начинает давить на мочевого пузырь, и у вас учащаются позывы к мочеиспусканию». Восторг!.. Бабоньки внимательно слушали, только я давилась от смеха.

Лешкины шоколадки раздала соседкам: худею.

15 июля

Телефон на нашем этаже в конце коридора, но надо постоянно бдить: автомат один-единственный, звонят все, говорят подолгу. Видела под окнами Леху, просигналила: звонить, мол, не могу. Понял? Что-то проорал в ответ, но там все потенциальные папаши орут, иди знай.

Передал, называется!.. — свой собственный, начатый мною в феврале, свитер. А я просила мой шарф, это совсем другой пакет. И сказать нечего: старался. Вернулась к свитеру. На фиг я такой сложный узор затеяла? Внутри записка: «Цыпленок, я тебя люблю!» Ох, Леш... Я тут несколько дней, а кажется, месяц. Где мой доктор Спок? Самое время.

«Новый мир» обещал, но не принес. Утешаюсь Споком: «Дети бывают “легкими” и “трудными”». Милый мой ребенок, утри нос доктору Споку, окажись легким, а? Или вот это: «В лучшем случае вас ожидает тяжелая работа и отказ от многих удовольствий». А в худшем?!

Переключаюсь на Геродота.

16 июля

Стараюсь не слушать, однако разговоры невольно действуют на нервы. Тетка с двумя детьми боится чего-то, связанного с пуповиной. Рыженькая в углу, моя тетка, появилась позавчера, все время что-то жует и пугливо прислушивается к соседке («пуповина»). У Рыжей «резус-отрицательный», произносится в одно слово испуганной скороговоркой. Я знаю только макаку-

резус — и да, положительного в ней не много. Сказала об этом Рыжей, та обиделась: не понимаю, чего тебя, такую умную, в патологию положили. Лежит обиженная, ест клубнику.

На кровати рядом — благолепие: рыхлая молодая блондинка то спит, то собирается спать: «в нашем положении полезно».

Люду с четвертой кровати повели вниз, в родильное. Пешком, в полусогнутом виде.

Геродот спокойно пишет про каких-то кочевников, которые питаются мясом и молоком, но коров не едят (интересно, чьим мясом они сыты?..). От этого повествования трудно худеть. Если бы разрешали гулять...

17 июля

— Лакшина! — в дверях медсестра.

До завтрака заставили сдать кровь. Я слегка труханула: вдруг этот чертов резус? Медсестра долго смеялась. Резус не стал более понятным, но ко мне, к счастью, не имеет отношения. Ничего отрицательного во мне нет. Леха добавил бы: «кроме характера». А что характер? Характер у меня — шоколад.

Удалось прорваться к телефону. Мать с бабушкой на ушах стоят: ты не звонишь, что случилось?! А ничего, говорю, не случилось, и резус у меня положительный, не переживайте, зато двушки кончаются, пускай Лешка привезет. Автомат меня понял и поддержал — оборвал разговор.

На месте Люды — новенькая с красивым именем Виолетта, даже рубашка тютелька в тютельку. Вид у В-ты совершенно пришибленный: ребенок как-то не так лежит. Я вышла в коридор, прогулялась, и в награду мой сыночек как лягнет меня! Засиделся, мол, я тут.

...Интересно, почему я так уверена, что сыночек? А нипочему; с самого начала так казалось и сейчас

кажется. Костя-малыш, Кистянтин... На подоконнике в коридоре писать намного удобнее, чем в кровати, — пузо не мешает. И счастье, что зеркала нет: стоит такая круглая старородящая дурында в огромной сползающей рубашке и пишет, пишет... Мимо прошла врачиха, так я сделала вид, что просто смотрю в окно, а тетрадку захлопнула: вроде и не моя. Поздоровалась — без ответа; ну не больно-то и надо. Врач-мизантроп — особая порода. Ни разу не видела, чтоб она улыбнулась или заговорила нормальным голосом: только орет или цедит сквозь зубы.

Схватки в ее дежурство — казни египетские...

18 июля

После обеда заглянула незнакомая девица в халате — сестра, санитарка? Подошла ко мне, сунула полиэтиленовый пакет («только не говори никому, передачи запретили...»). Новое дело...

Бабоньки засуетились: оказывается, стафилококка боятся — то ли завелся он в роддоме, то ли вот-вот заведется. Какой еще стафилококк? Я с резусом только-только разобралась — исключила, в смысле. Страсти кипят, а тут акушероЧЧка наша пришла, так все на нее и навалились: стафилококк?! Ну-ну, девоЧЧки, спокойно зачочала акушерка, ЧЧЭго вам бояться, никакого стафилококка нету. Бактерия такая, ниЧЧЭго особенного. Заразная, да; дык они все не сахар.

И как-то все расслабились. И то правда: бактерия и бактерия, а сколько мы на себе бактерий этих носим... Это мне папа объяснял, у меня тогда стрептококковая ангина была. Или скарлатина? Как будто я могу помнить — мне было 9 лет, а сейчас я старородящая. Папа тогда сказал, что школа школой, а заразиться я могла хоть в кино, хоть в троллейбусе: многие люди таскают на себе эту гадость и сами не знают, что они заразные.

Неожиданно подала голос «спящая красавица»:

— Вот в Америке больницу просто сжигают, если в ней стафилококк.

И вкусно зевнула.

Что тут началось! Я думала, грядут групповые схватки. Как, всю больницу? А где рожать? И сколько там больниц, в этой Америке?.. Лихорадочно листаю Спока.

Блондинка (то ли Лиля, то ли Лина) спокойно бросила: «Сколько надо, столько и сожгут. И новые построят. А рожать едут в другую клинику, все дела». После чего развернула шоколадный сырок.

Тут я вспомнила про свой пакет. А там абрикосы, шоколадные конфеты, свежий «Новый мир» и начатый шарф. Я схватила грильяж и так, с пузом наперевес, помчалась догонять акушерку, перепугав ее: «НаЧЧАлись схваточЧки?..» Ну, дальше по сценарию: «Не надо, деточЧка, не надо...», но карман подставила. «Живот у тебя, деточЧка, опустился, скоро родишь».

Я пошла назад осторожно, как по стеклу. Опустившийся живот — это то небольшое, что я знала: прочитала (не у Геродота). Кажется, недели через две рожать. Ох, хоть бы наша врачиха в отпуск ушла — погода шепчет, июль... Хоть бы дали путевку куда подальше: в Сухуми, что ли.

В палате суета. Сонной блондинке тоже принесли нелегальную передачу. Такой пир закатили! Лешкин грильяж пошел на ура: все конфеты раздала. На вопрос, почему не ем сама, ссылаюсь на аллергию. Все хрустят бумажками.

Довязываю рукав свитера. Надо спешить: когда рожу, времени на вязание не хватит, и Леха останется без свитера. Шарф подождет.

Это сегодня, а 22-го родилась моя доченька! Катька оказалась такая увесистая (3 кг 600 г), что сделали кесарево — старородящая маменька не смогла разродиться. Сама виновата: жрать надо меньше. Со вторым (это уж точно будет сынок) я буду блюсти вес с самого начала: никаких родителей слушать не буду и «есть за двоих» не намерена.

Катька родилась в воскресенье. Есть поверье, что «воскресные» дети могут понимать язык птиц и зверей. Образно говоря, дитя с лингвистическими способностями.

Такая хорошенькая! Единственный ребенок без какой-то там послеродовой желтухи, на нее специально приходят посмотреть. И волосатая, с бровками и ресничками! Я с ней познакомилась только вчера, на первом кормлении. По-моему, мы друг другу понравились.

О родах писать не буду, клянусь. Воспоминаний хватит надолго. Хирург — лапочка: молодой парень лет 30, косая сажень в плечах и рост не меньше двух метров. «Лакшина, — говорит, — поехали резаться». Да с таким куда угодно поедешь. Я на каталке, он бежит рядом, а сам смеется: очень уж его повеселили мои вопли «как я второго рожать буду?..»

О, опять несут на кормежку! Прекращаю дозволенные речи.

после кормежки, или продолжение следует

«Любовь к ребенку приходит постепенно»... Что ты понимаешь, доктор Спок! Если бы ты посмотрел на мою Катюшку, ты бы раскаялся. Публично.

25 июля

Завтрак Катька нагло проигнорировала — проспала, никак не соглашаясь отведать материнского молока. Медсестра, которая пришла забирать сытых ангелочков, укоризненно сказала мне: «Что же вы, мамочка, не догадались ее за пятку щипать?»

Откуда я могла знать?! У Спока про пятку ни гугу, зато уверяет: «...еда — главная радость в жизни ребенка». У Лехи тоже главная радость в жизни — еда, вообще у всех мужиков. А Катюня создание нежное, деликатное. Меня беспокоит, какое представление сохранится у нее от мамы, которая не сумела накормить ее? До пятки, кстати, не так-то легко докопаться: вон они, лежат на каталке рядами, плотно завернутые, как голубцы. Кстати, я не видела ее там, под пеленками. Вдруг у нее пуповина какая-то не такая?

Материнство — рискованная авантюра. Сплошные страхи.

26 июля

Приготовилась ущипнуть ее за пятку, но сегодня Катька не выпендривалась — изголодалась. Я опытная: подержала ее стоймя, чтобы срыгнула. Потом она счастливо зевнула и отрубилась.

Доктор Спок советует убрать из дому лишние вещи на пару лет. Интересно куда... И что у нас лишнее? Лехины лыжи, пожалуй... Спок уже раздражает, а Геродот за последнюю неделю сильно устарел.

Моя соседка — могучая баба, похожая на Людмилу Зыкину. К счастью, не поет, но все знает. Оно бы ничего, но без компании «Зыкина» вянет и поэтому назначила в собеседники меня.

«Ну что ты все с книжкой — я тебе лучше всякой книжки расскажу, как и что, двоих родила, слава богу, все здоровы...»

Киваю, не отрываясь от Спока.

«...когда зубы шли, помню, так я намучилась... А тут опять малец, у них всегда тяжелей...»

Хотела проверить по Споку. Доктор открылся на главе «Половое созревание». Нет, это преждевременно.

«...мы девочку ждали, но я как увидела свой живот, сразу поняла: малец, опять малец!»

Я оторвалась: «А как вы поняли?» — «Ну как? Если живот огурцом торчит — малец, а вот если круглый, то девочка!»

Доктор Спок явно не в курсе.

3 АВГУСТА 1979

Мы с Катькой дома.

Пишу вечером, уже валюсь с ног от усталости.

Леха нас привез, а тут... Родители совали мне цветы, сами норовили раскопать Катькину физиономию. Леха всех гнал мыть руки, как дошкольников. Свекровь встала на вахту к гладильной доске: «Все надо проглаживать с двух сторон». Леха нахально сказал: правильно, гладь.

Водрузили спящую красавицу в кроватку таким же голубцом, как в роддоме, и на цыпочках ушли на кухню.

Скандал возник случайно, как лесной пожар. Я убрала подушку из-под Катькиной головы. На меня дружно накинулись, орали, сама я тоже орала, потрясая д-ром Споком: ребенку не нужна подушка! Свекор орал, что человек не может спать без подушки, Леха орал, что спал в армии без подушки — и ничего, моя маманя хваталась за виски: вот если бы с тобой так!.. И Катька заорала тоже — то ли проголодалась, то ли претендовала на подушку. Не сразу разобрались, что ребенок мокрый; спасибо, бабушка пощупала.

Все, сплю.

6 АВГУСТА

Все время дико хочется спать. «Это лактация, — важно сказала Лешкина мать, — я тоже все время сонная ходила». После чего предложила, что завтра приготовит нам обед — она купила говядину.

7 АВГУСТА

Нет, это отдельная песня. Вернее, вставная новелла. Итак.

<без названия>

Она приехала, когда Катька доедала свой обед, а счастливая мать смотрела на нее и клевала носом. Потом и Катька стала заводить глаза: ох, как я устала... Положила я наследницу спать и сама нырнула под плед — о, какое блаженство, что ж я раньше не ценила-то... Только я начала уплывать под Катькино сопенье, как топ-топ-топ... Открываю глаза: Лехина мать у дивана, шепчет: «Ирочка, в какой кастрюле ты мясо тушишь?..» Она не знает географию нашей кухни, так что тащусь на кухню, достаю казанок, спрашиваю, не надо ль еще чего. «Нет-нет, Ирочка, ты поспи, я сама все сделаю». Меня сдувает из кухни туда, где диван, подушка, сон...

И во сне хорошо! Только что-то падает мне на плечо, я стряхиваю, но не помогает... Открываю глаза.

— Спи, спи... Лавровый лист у вас есть?

Обогащенная знанием, уходит на цыпочках.

Сплю... сплю... Мы с доченькой спи-и-им... А что плечу неудобно, так я повернусь.

— А?! Что такое?

— Ничего, ничего... Перец я не нашла.

— Делайте без перца.

— Что же ты не сказала, что у вас перца нет? Я бы принесла... Спи, спи...

И так еще несколько раз.

А где у тебя лук?..

Извини, я не могу найти...
Чеснок в холодильнике?..
Спи, Ирочка, спи...
Нет, в холодильнике нету...
Вернее, он заплесневел...

Открывала дверь и подходила к дивану, чтобы доложить: завял, или нет, или не может найти. Спок тоже кретин: «Бабушки и дедушки могут оказать вам большую помощь». Особенно когда они приезжают и делают жаркое. Гори огнем это жаркое. Уйду в вегетарианцы. Поняла, почему свекровей не любят.

КОНЕЦ ВСТАВНОЙ НОВЕЛЛЫ

17 АВГУСТА

Замочила подгузники, выгладила гору сухих и пишу. Кофе пью только утром — если днем, то Катька растараканивается и не спит. Хожу в полусне. Доктор Спок благосклонно относится к пустышке. Катька тоже. Доченька пошла в меня: характер — шоколад. Исправно трескает 4 раза в день. Сестра из поликлиники приходила, осталась довольна. «Какая она у вас волосатая!» — восхитилась уходя. Что правда: шевелюра, брови, ресницы — все при ней. Завидная невеста.

Ой, они скоро вернутся. Срочно стирать.

1 СЕНТЯБРЯ

Детки, в школу собирайтесь. Скорее бы... Грудью кормить не надо будет.

9.09

Плачет. Плачет и плачет, все более безнадежно. Проверила: сухая. Д-р Спок уверяет, что во время плача ребенок развивает легкие. Надо дать отораться, а брать на руки нельзя, чтобы не избаловать.

А тут в гости зашел свекор и ринулся спасать внучку, с трудом остановили. Разъяснили про Спока. Предъявили книжку. Не убедили. С работы зашла Лехина мама, так что теперь Лешке пришлось оттаскивать от двери детской обоих. Они сидели со страдальческими лицами великомучеников. Я цитировала Спока. Свекровь сказала, что Спока не знает, а вот был такой фашист доктор Менгеле, скольких детей замучил... И на меня смотрит очень красноречиво. Я, говорит, сама мать и никогда не давала своим детям плакать. И нельзя, чтобы плакал — у ребенка грыжа будет!.. Я перепугалась, а спросить, что такое грыжа, было стыдно. Вроде как я должна знать... У Спока не встречала.

Сдалась я. Катька смотрела на меня так, что я почувствовала себя фашисткой, правда. И переодевать ее пришлось очень капитально.

Вечером, когда мой измученный Катенок насосался молока и уснул, я нашла у д-ра Спока гениальный рецепт: «Если ваш ребенок плачет и не может успокоиться, покатайте его в машине».

Надо кому-то подарить эту книжку. Кому-то постороннему... Или забыть на скамейке в парке, где я выгуливаю Катьку.

Кстати, что такое грыжа?

12 СЕНТЯБРЯ

Вдруг осенила гениальная мысль: если стирать, кипятить, а потом еще гладить — этак сойдешь на нет во имя стерильности и моя Катька останется сиротой. Очень легко убедила Леху: зачем гладить? Он радостно согласился. Объяснение с матерью взял на себя. Дуэль предстоит серьезная, но завтра я умоваю с коляской, только нас с Катериной и видели.

13 СЕНТЯБРЯ

Дождь, и никуда не получилось умотать. Выставила коляску на балкон, подняла «верх кареты»: пускай дышит. У меня были наполеоновские планы пропылесосить квартиру, но вовремя вспомнила доктора Спока не перегружать себя домашними делами.

Катька золотой ребенок: дает выспаться. В меня — рано просыпаться не любит, даже если мокрая.

Свекровь первым делом спросила, где гладильная доска. Когда Лешка поделился моей гениальной мыслью, назвав ее почему-то «нашей», я закрыла дверь, иначе бы Катьку разбудили. Лешка горячился, свекровь орала, суля ребенку все инфекции сразу.

ЧЕТВЕРГ

Накаркала: Катька поносит. Ее, похоже, это нисколько не беспокоит, но Лехина мама сказала, что вот если бы мы проглаживали с обеих сторон... Я заткнула уши. Какое счастье, что она ходит на работу... Приволокла весы, строго приказав взвешивать Катьку до и после кормежки. Леха ехидно вставил, что ребенок устроен правильно: есть вход и выход, и поинтересовался, нужно ли взвешивать конечный продукт? Мне даже стало жалко свекровь.

24 СЕНТЯБРЯ

Нетто: 3 800

9.00 кормила. После еды 3 850

Стул мягкий

13.00, после еды 3 840

17.10, кормежка, вес (после) 3 900

8.55, ела неохотно. Почти все срыгнула. Дали воды.

25 СЕНТЯБРЯ

Утром вес 3 860

9.00, корм. После еды 3 900 (почти)

Стул жидкий

13.10, после еды 3 840
17.00, кормежка, вес (после) 3 900
8.55, хорошо поела.

Катька улыбается!

8 ДЕКАБРЯ

...а что торчат эти клочки, так это потому что вырвала всю эту дурацкую бухгалтерию про стол и стул, надоело. Потом подклею, чтобы тетрадка не развалилась. А Лешка записывал где придется: на полях газеты, в отрывном календаре. Свекровь от каждого поноса впадает в панику, словно у ребенка холера. Припоминает отказ «проглаживать с двух сторон».

Катька не любит весы, пару раз чуть не скovyрнулась с них. Свекровь обиделась, но весы забрала.

Там же записывали прикорм: кефир и молочная смесь. Овощной отвар она полюбила сразу.

Катке сегодня 139 дней! Губами делает «тпрууу» подолгу и с удовольствием. Из-за волнений «а-вдруг-опять-понос» я забыла написать, что она стала намного активней.

12 ДЕКАБРЯ

Ночью Катюня просыпалась и кряхтела. Дважды переодевали: раз я, второй — счастливый папаша.

Улыбается все более кокетливо.

Напомнить Л., чтобы зашел в овощной — морковка кончилась.

День сонный какой-то.

13 ДЕКАБРЯ

Черт! Забыла про морковку, Леха тоже начисто забыл. Овощи не варили, старородящие склеротики. Позвонила маме, чтобы купила морковку, но она еще кашляет,

боится приезжать. Говорит, что бабуся купит и привезет, но тут уж я встала на дыбы: скользко, не надо ей выходить.

Вернулись с прогулки. Кто кого выгуливал, спрашивается? — я держалась за коляску, чуть не грохнулась на ледяном тротуаре. Катька мне соблазнительно улыбалась, а потом отрубилась. Добрались до магазина, а морковки нет!.. Зря пилили. Зато сдала все пузырьки в молочную кухню, нехай Катерина посидит на кефире.

15 ДЕКАБРЯ

Морковные приношения: бабушка, родители Л. и сам счастливый папаша с двумя морковками от сотрудницы. Ликуй, Катька-Катенок!

От этакого изобилия она проснулась в 2.30 ночи — хотелось поделиться морковным счастьем, что-то булькала и пела. Только переодела ее и дала попить, как снова пришлось переодевать.

21 ДЕКАБРЯ

Только что вернулись из поликлиники. Весит в голом виде 7 580 г. Убедительно. Грыжа — страшная штука: это когда мышцы на животе расходятся... брр! У Катьки вроде нет.

Она стремительно вырастает из своих одежек. Лехин отец едет в командировку в Болгарию. Грядет изобилие. Я попросила Катьке туфельки и комбинезон на вырост.

Ой, ну что ты вопишь, иду, иду... Грыжи нам только не хватало.

У Катьки забавные привычки: любит перебирать свои тряпки в кровати, ловит и хватает гремучие шарики (преимущественно лежа на животе). Много смеется — особенно когда мы трясем головой. Капризничает исключительно редко.

1980

1 ЯНВАРЯ 1980 — КАТЬКЕ 163 ДНЯ!

Это вам не кот накашлял — 163 дня! Катька в восторге от елки, все время тянулась, я ее чуть не уронила. Лешка перекатил кровать поближе к елке. Она смотрела как замороженная, ерзала, крутилась со спины на живот и обратно.

Сегодня попробовала творог. Ела с явным недоумением, таращила глаза и содрогалась от отвращения: родители, вы что, совсем оборзели?! Лешка доел: «Вкусно». Спала в коляске на балконе в сумме 7 часов. Вечером засыпала неохотно — чувствовала, что мы собираемся без нее пить шампанское.

2 ЯНВАРЯ 80

Проснулась — и уставилась на елку, нет чтоб на мать родную посмотреть. Включили гирлянду с утра. Радости — полные штаны, буквально. Праздник — для всех праздник: обновили горшок. Не сразу, а со 101-й попытки. Катька не врубается, зачем столько неудобств и суеты. Д-р Спок на ее стороне — мол, если ребенок сопротивляется, то не настаивайте. Моя сонная соседка в предродовой палате рассказывала чудеса про Америку: что роддомы со стафилококком сжигают, а подгузники стирать не надо — вроде там они одноразовые [первые дайперсы появились в России в 1995 году; в СССР их не было. — *Е. К.*]. Тогда понятно, почему американцы не замораживают горшок.

4 ЯНВАРЯ

Попытка номер... Держали Катку над горшком в четыре руки, выдохлись оба. Положили ребеночка на диван, и она сразу выдала долгожданный результат. Прямо на одеяло.

7 ЯНВАРЯ

Может, американцы правы — не надо высаживать?.. Или на личном примере показать, зачем нужен горшок?..

Ползает на спине. «Разговаривает» — подвывает басом «а-а-а». Любит тертое яблоко, соки (даем понемножку). Погоди, Катенок, то ли еще будет: придет время — вонзишь крепкие зубы в яблоко, только сок брызнет!

21 ЯНВАРЯ

Катя, праздник не на нашей улице — твой дед в Болгарию не едет. Правда, тебе комбинезон пока не нужен. А до следующего сезона мы его (деда) куда-нибудь выпихнем, вот увидишь: если не в Болгарию, то в какую другую Польшу. Не трухай!

22 ЯНВАРЯ

Полгода нашей девочке! Вот творческий отчет счастливых родителей: девка вымахала — аж 69 см, весит 8 кг. Веселая, здоровая — один насморк за все время, тьфу-тьфу — жизнерадостная. К тому же гуляющая — не меньше 4 часов ежедневно. Спит 13—14 часов в сутки. Ползает на животе, но охотнее — на спине, активно отпихиваясь ногами от любой точки. Характер не вполне нордический — солнечно-радостный, вот. Нежно привязалась к бумажкам, треплет и рвет в клочки, словно неудачные черновики. При явном ущемлении своих интересов обижается